

Великие писатели, о которых идет речь в книге, не боялись ставить вечные жизненные вопросы и искать на них ответы. И в этот поиск они приглашали и приглашают своих читателей. Мы вместе с ними продолжаем искать ответы до сих пор. И иногда находим. В том числе благодаря им. Тем, которые потрясли мир... Не зря ведь сказано: *«Прочитано так мало, читается так трудно. Дорога от вокзала уходит прямо в будни. А мир вокруг великий. И снова зреет завязь. Листаю дни, как книги. Никак не начитаюсь»*.

Владимир СПЕКТОР

НА ТЯЖЕЛЫХ ДОРОГАХ XX ВЕКА

Борис Клетинич. Мое частное бессмертие. — ArsisBook, 2019.

Судьба главного героя романа Бориса Клетинича «Мое частное бессмертие» Виктора Пешкова вплетена в узор, который из поколения в поколение создает каждый человеческий род, окруженный близкими друзьями, которые тоже вплетают свои узоры в общую картину, меняющуюся точно в калейдоскопе. И так продолжается — пока не засохнет одно древо и не начнет расцветать из упавшего в землю семени второе...

Сейчас во всем мире, не только в России, проявляется огромный интерес к своим корням, люди отправляют данные на генеалогические сайты, находят дальних родственников, устанавливают благодаря ДНК-тесту свои этнические истоки, миграцию рода, некоторые затем начинают путешествовать по местам, где когда-то жили их предки. Внешняя канва жизни Бориса Клетинича, автора романа «Мое частное бессмертие», противоположна: покинув Молдавию, страну детства, где остались родные могилы, и землю своих пращуров — Израиль, он обосновался в Канаде, став там известным певцом. Но канва самого романа в определенном смысле — все-таки именно попытка восстановить родовой узор, охватывающий большой период — от начала 30-х годов прошлого века. Перед нами фактически история одной семьи с еврейскими корнями и рассказ о судьбах ее близких и дальних друзей — удивительное переплетение их радостей и бед, расставаний и встреч на трагически тяжелых дорогах XX века. Хотя в этическом смысле для Бориса Клетинича «нет ни эллина, ни иудея», для него важна трагедия любой человеческой жизни.

Несколько географических названий служат опознавательными знаками романа: Кишинев, Москва, Харьков и Ленинград (советские годы), Палестина... И почти незнакомые: Оргеев и Гусятин, в которых еще в XIX веке были очень многочисленные еврейские общины. Семейная сага (роман можно представить и так) сплетена из близких автору судеб людей, связанных с этими местами.

В Оргееве живет Шантал, которая верит в Иерусалим, в море и в Грету Гарбо, Шантал одарена чувством жизни — радость бытия переполняет ее: Борису Клетиничу удалось создать яркий живой образ. Убедительны и другие характеры: бегущих из Молдавии в Россию (тогда СССР) в белых простынях по белому льду Софьи и Хволы, выпускника Горного института Волгина, цадика Идл-Замвла из Садова, отчима главного героя. Именно отчим в начале повествования подбрасывает 12-летнему Витьке Пешкову общую тетрадь и велит писать хроники, «чтоб от Геродота не зависеть!», и оставить вечности неповторимые мгновения своей жизни. Кто-то из родового клана должен стать летописцем, чтобы счастливые и горькие страницы жизней не разлетелись, не стали прахом.

Впрочем, пишущие в романе есть и кроме Витьки Пешкова — это и его отчим, и его дед, тов. Ильин (Шор) П. Ф., «один из основателей молдавской советской литературы, член Союза писателей СССР с 1947 г., секретарь Правления Союза писателей МССР,

лауреат Госпремии МССР по литературе (1952 г.)». Правда, с именем деда связана неприятная история — мало того, что он служил в НКВД, так еще и авторство его книги ставится под сомнение.

Но кроме «корневой» и биографической темы, в романе есть и тема, как бы к главным не относящаяся: Борис Клетинич пытается понять, что стоит за индивидуальной, «частной» жизненной победой. Однако именно этот вопрос является основным для психологии Витьки Пешкова. Поэтому одна из самых важных и, на мой взгляд, полноценно проявленных линий романа — линия шахматного противостояния 1978—1981 годов — Карпов—Корчной. Корчной у Бориса Клетинича — Виктор Корчняк. Автор предлагает очень умное, интересное объяснение, почему гроссмейстер Виктор Корчняк уступил первенство: Карпова как бы «выдвинули» сами народные силы Зауралья. То есть, рассуждает Корчняк, Карпов уже как потенциальный чемпион е с т ь, а «кто выдвинул его?», существует ли д е й с т в и т е л ь н о он сам как человек и как чемпион-шахматист, совпадают ли его имя и его суть? Тайная психическая атака на Корчняка с советской стороны точно попадает в психологическую брешь Корчняка: «с целью дальнейшей деморализации — развернуть по месту проведения матча (Baguio Convention Center) выставку — наглядный стенд о присоединении к России земель Поволжья, Урала и Сибири (включая Дальний Восток), организовать демонстрацию художественного фильма „Ермак“ (с английскими субтитрами)». Вот она — сила, стоящая за Карповым, которая его «выдвинула!» И попытка внушить Корчняку, что его род и все близкие к этому роду выдвинули его, оказывается много слабее. Автор романа доказывает, что высокие победы (в любом деле, в искусстве, в науке и пр.) — это результат коллективной силы, носителем и выразителем которой становится один человек (та же идея, иначе представленная, в известной повести В. Маканина «Там, где сходились небо с холмами»).

Образ почти гениального шахматиста — удача Бориса Клетинича. Человек, живущий только шахматами, воспринимающий и реальный мир исключительно через сложную сеть шахматных ходов (конечно, ассоциация с «Защитой Лужина» возникает), подчиняет свою жизнь не бытовым нормам и правилам, а лишь интеллектуальным композициям.

Судьба Виктора Корчняка вплетена в историю семьи Витьки Пешкова. И не случайно, что великого шахматиста и главного героя зовут одинаково: имя отсылает к римской богине победы, это как бы аванс на то, что, несмотря на фамилию «Пешков» (горьковский оттенок здесь вряд ли есть), герой все-таки может к «личной победе» прорваться, ведь, по мнению Бориса Клетинича, для игры рока люди — шахматные фигуры: одному суждено остаться пешкой, а кому-то, как Шантал, быть выбранной в королевы. Выйти из пешек в победители гораздо труднее, чем победить, будучи изначально королем или ферзем (то есть имея гениальность или талант). По сути, для Бориса Клетинича и сам роман — некий прорыв в большую литературу, хотя построен он, несмотря на повествовательные и дневниковые приемы, скорее по кинематографическим законам (смена кадров, времени, места действия), чем по законам романа. Но «прозаическая генетика» тоже проглядывает: автобиографическая книга А. Бруштейн, минималистская поэтика Леонида Добычина, а из современных авторов — Анатолия Гаврилова.

Некоторые судьбы автор намеренно не открывает, обрывает их линии, теряет — это не только некое подобие реальности (ведь порой люди исчезают из наших жизней бесследно), но и дань постмодернистской стилистике. Не только внешняя канва, но и тайный психологический ландшафт определяет дороги жизни каждого героя романа — и последний, возможно, более сильно, чем реальные события. Именно потому окончание романа — это апология личности, имеющей право на существование, независимое от коллективной воли и обстоятельств. Главное, как Хвола-Ольга, которая

выкормила в блокаду мальчика, будущего гроссмейстера, — быть не поддавши мисья. «Если бы я в свое время поддалась, — признается она сама себе в мыслях, — если бы плыла по течению в городке Резена, где несколько поколений Московичей скоротало век, то меня бы Адольф Гитлер прикончил между Днестром и Южным Бугом (как маму с папой)».

Правда — «это то, что я сам знаю о себе./ А я-то знаю, что я есть!» — внезапно понимает Виктор Пешков. А значит, он уже не просто фигурка в шахматной игре судеб, пешка, которую смахнут со стола и о которой скоро забудут, он стал гроссмейстером своей собственной жизни независимо от того, выдвинули его или нет. Он тоже — не поддавши сья. Он реально существует, неповторим и верен только своему личному хронографу — своему частному бессмертию.

Мария БУШУЕВА

ОТРЯСАЯ РЕАГЕНТ (Новые стансы к Москве Евгения Лесина)

Лесин Евгений. Кормление уток на берегу реки Сходни. — М: ИПО «У Никитских ворот», 2018. — 100 с.

Не читавшие книгу Е. А. Лесина «Кормление уток на берегу реки Сходни», поди, даже не представляют, что течение столь тяжелой социопатии может быть записано в таких бодрых, даже бойких ритмах:

Хорошо, когда есть дело,
Затаился и молчи.
И Москва похорошела,
Жаль мешают москвичи.
Вот бы их куда поближе
К пеплу, яме и траве.
Патриоты все в Париже,
А предатели — в Москве.
Улетели птичьи стаи,
Кошки выгнали собак.
Покидают нас трамваи,
Остается только мрак...

Вместо законно ожидаемых читателем надрыва, блюза — под обложкой книги рок-н-ролл. Причем настоящий: я нарочно попробовал пропеть этот стих (и еще несколько) под «Rock Around the Clock» Билла Хэйли — прекрасно ложится при небольшом проглатывании окончаний строк, что, кстати, принято и в зарубежной эстраде.

Пауки не лезут в банки,
До утра закрыты рынки,
От Ходынки до Хованки,
От Хованки до Ходынки.
Жизнь ушла, а я на базе.
Давят круглые томаты
То китайцы на Кавказе,
То в Китае азиаты.